

Маггловский лекарь выглядел очень убедительно. Внушительно и импозантно. Лицо его мог бы написать какой-нибудь баталист, прославляющий неотвратимую мощь британского оружия, угрожающую глупым и строптивым туземцам по всему миру. Выбеленные благородной сединой волосы, постепенно уступающие натиску высокого лба, хищный нос классического аристократа, роскошные усы и цепкий взгляд прищуренных глаз. Да за одно лишь лицо такому лекарю можно было доверить командовать эскадрой, а то и целым флотом королевских морских сил.

Лекарь своё дело знал, и перво-наперво Гарри был высосан досуха стаей комаров в белых халатах, которые для конспирации прятались в больничном крыле с надписью “лаборатория”. Экспресс-анализы стоили звонкой монеты, но в результате произошло настоящее волшебство — пол-литра крови превратились в красиво подшитую стопку бумаги, покрытой таблицами, графиками и диаграммами. Подручные лекаря, миньоны и приспешники, подхватив его под руки, наперебой принялись задавать ему вопросы — миллионы вопросов, большинство которых в основном сводилось к тому, когда он в первый раз почувствовал сексуальное влечение к матери, и насколько домогательства отца в детстве продлили энурез.

Наконец вопросы кончились, обернувшись ещё парой пухлых папок и несколькими бобинами магнитофонной ленты, и лекарь соизволил лично явиться к Гарри. Теперь Гарри сидел в углу, в тесном и неудобном кресле, которое очень напомнило ему “аиста”, заказанные экземпляры которого прибыли как раз третьего дня, и он в своём радостном угаре от новых игрушек не придумал ничего лучше, как самого себя засунуть в это приспособление. Благо, палочка была под рукой, а то так бы с ума и сошел... Лекарь же надменно листал все эти папки, величаво переворачивая листы, казалось, просто поводя своим внушающим почтение носом справа налево, совсем позабыв о тщетной букашке через стол от себя.

— Ну что ж, молодой человек, — наконец произнёс он решительным голосом, не терпящим возражений. — К сожалению, по поводу ваших анализов ничего обнадеживающего сказать не могу. Как ни старались лаборанты, но ничего, кроме здоровья, в вашей крови не обнаружено... Ну, ну, не стоит так расстраиваться! К счастью, наука не всегда бессильна, и в вашем, безусловно, тяжёлом и запущенном случае она снова нас выручила. Как показали наши исследования, у вас гипертрофированное либидо, — и когда я говорю гипертрофированное, я не имею в виду, что оно лишь слегка выше нормы, нет, мы говорим о превосходстве на порядок, а то и на два... У вас гипертрофированное либидо, склонность к немотивированной агрессии и мания убийства. Да, да, превосходные новости!

— Простите, доктор, — осмелился подать голос Гарри. — Но ведь как раз на это я жаловался, когда обратился к признанному светилу психиатрической науки...

— На это?! — грозно свёл брови лекарь и принялся так же высокомерно пролистывать папку в обратном направлении. Найдя нужное место, он впился в текст своим всевидящим оком. — Хм... И правда, как раз на это... Молодой человек! — гаркнул он, и слова эхом прокатились по комнате, шевеля листки на столе и волосы на загривке Гарри. — Лишь сертифицированный профессионал с образованием, — он показал на стену, увешанную дипломами и лицензиями, — способен определить, что не так с больным. Запомните — белое будет красным ровно до тех пор, пока наука в лице меня и моих коллег не назовёт его синим. Ни минутой меньше, но и ни минутой дольше! Так что я советовал бы вам заняться своим делом, а именно... — в этот момент, наверное, лекарь вспомнил выписанный ему вексель, точнее, то, что ему показалось выписанным векселем... Или они называются чеками? Это, впрочем, не важно, поскольку тот чистый листок бумаги из блокнота Гарри даже и не подписал... Вспомнив то, что показалось ему платёжным поручением со многими нулями на нём, лекарь по достоинству оценил качество работы, проведённой Гарри, и уже добродушно добавил: — А постановку диагноза

доверьте профессионалам!

Как бы невзначай он отвернулся к окну, демонстрируя Гарри впечатляющий профиль, который должен был окончательно поставить точку на попытках самолечения.

— И каков же диагноз? — робко поинтересовался он.

— Я вам уже сказал, — снисходительно бросил лекарь, сделал паузу, чтобы профиль впечатался в сознание даже крепче, чем контур королевы на серебряном шиллинге, и с доверительным вздохом повернулся в анфас. — Мы подозревали многократно повышенный уровень тестостерона в крови, но, к сожалению, как я уже упомянул, единственной аномалией в ваших анализах было полное и абсолютное здоровье, так что яички мы вам отрезать не будем. Это плохие новости. Хорошие же заключаются в том, что у нас лучшая на острове установка для электрошоковой терапии, способная выдавать в импульсе до ста пятидесяти киловольт, а кроме того, на ваше счастье в Британии гостит лучший американский хирург-лоботомолог, на счету которого шесть тысяч восемьсот тридцать две успешные операции, в результате которых восемьдесят шесть процентов пациентов вернулись в свои семьи и продолжают жизнь в качестве полноценных членов общества. Финансовые детали мы с вами обсудим позже, а сейчас я хотел бы подробнее объяснить вам преимущества и недостатки того или иного метода...

Гарри вздохнул. Такая замечательная идея обернулась грандиозным фарсом! Поскольку целители волшебников агрессивность и половую распущенность за отклонения не считали, ему показалось разумным обратиться к маггловским лекарям в надежде, что они-то с их систематическим научным подходом должны иметь в своём распоряжении средства, способные хоть немного унять беснующегося внутри зверя. То, что произошло с Беллой его напугало — в первую очередь, оттого, что он искренне наслаждался процессом, и до сих пор, кроме удовлетворения и торжества, никаких эмоций по поводу содеянного не испытывал. Не считая, конечно, страха по поводу того, во что он успел превратиться. Оттого он и захотел обратиться к лекарям — авось, помогут? А оказалось, что этих лекарей самих в пору в Мунго пачками укладывать! Причём, по меркам магов этот уважаемый человек, что сидел перед ним за столом, был настоящим маньяком, которого нужно срочно изолировать.

— Спасибо, доктор, — растроганно пробормотал Гарри, смахивая набежавшую слезу. — Я вам так благодарен!

— Не стоит! — махнул тот рукой.

— Конечно, стоит! — замотал головой Гарри, доставая палочку, пока тот продолжал демонстрировать профиль. Ещё несколько секунд ушло на то, чтобы последовательно справиться сначала с жаждой убийства, а потом со вспышкой немотивированной агрессии, после чего он вытянул палочку в сторону маггла, и произнёс, выписывая узор заклинания: — Обливиэйт!

Тем не менее проблема никуда не ушла — жажда разрушения временами переполняла его, словно это он Пожиратель Смерти, а не Беллатрикс Блэк, которая, очевидно, ещё не стала Лестрейндж, да и наверное уже никогда ей не станет. Он бегал от старших Блэков, включая Альфарда, чувствуя, как раздражение иногда начинает подступать уже после дежурных приветствий, прятался от Нарциссы, боясь потерять контроль и сделать ей больно, и даже в разговоре с Андромедой как-то поймал себя на том, что завороченно смотрит на пульсирующую жилку на шее. Благо, она поняла его превратно, смутилась и прикрыла ладонями декольте... Беллатрикс не появлялась — на своё счастье, поскольку её он готов был

прибить без лишних разговоров. Причём, не палочкой, а просто голыми руками или даже зубами.

Единственным существом, с которым жажда насилия и убийства исчезала бесследно, была Нимфадора. Быстро это осознав, Гарри старался проводить с ней — к её полнейшему восторгу — как можно больше времени, а во время общей трапезы вместо выделенного стульчика усаживал её на колени, и она смело хлебала маленькой ложкой суп из его тарелки, нагло вырывала из рук куски хлеба и просила отрезать ещё мяса. В остальное время он с ней либо играл, либо так же вместе они укладывались спать, и даже полные крови и стонов кошмары перестали его посещать, сменившись вполне безобидными снами на мирные или даже приятные темы. Андромеда сжалилась над ним и удлинила кровать в детской, чтобы ему не приходилось подгибать ноги, там ночуя. Днём они играли на детской площадке и лужайках поместья, и Андромеда неизменно их сопровождала — то ли оттого, что не хотела оставлять маленькую дочь с человеком, которого знает всего лишь несколько недель, то ли оттого, что сама хотела быть к нему ближе.

— В чём дело? — спросила она как-то. — С чего бы вдруг такая любовь к маленьким детям?

— Во-первых, ничего удивительного, — пожал он плечами, следя за тем, как Нимфадора лопаткой утрамбовывает песок в формочке. — Возиться с её сыном мне всегда нравилось. Первые года четыре его жизни я проводил с ним... и с Андромедой Тонкс два или три дня в неделю... Вообще, набивался в гости, когда только мог.

Она смутилась, когда Гарри упомянул её саму, но в будущем, и замолкла, теребя манжеты платья. Гарри с десятков секунд наблюдал за её тонкими пальцами, а потом поймал себя на мысли, что, закупаая оборудование в подвал, не догадался закупить игл, чтобы загонять под ногти. Соскользнув со скамейки, он одним плавным движением встал на колени рядом с Нимфадорой и погладил её по голове, чувствуя, как уходит жуткая потребность завалить Андромеду на скамейку и порвать на ней платье.

— Ты что тут строишь? — спросил он, улыбнувшись.

— Замок, — лаконично ответила Нимфадора, взглянула на него, делая глаза небесно-голубого цвета, против которого он никогда не мог устоять и сообщила: — Киса может строить замок.

— Конечно, могу, — согласился Гарри. — Можно мне твою лопатку?

— Ты не хочешь, — покачала она головой. — Лопатка моя!

Он уже знал, что спорить с ней бесполезно, и зачерпнул влажный песок ладонью. Рядом на песок опустилась бледная Андромеда и с мольбой на него посмотрела. Гарри перевернул формочку, пошлёпал по ней со всех сторон и поднял, оставляя на месте готовый кусок стены.

— Бам! — сказала Нимфадора и с размаху опустила плашмя лопатку на его творение, снова превращая в кучку песка.

Увидев результат, она довольно улыбнулась и вернулась к своему занятию.

— Расскажи мне, Гарри, — попросила Андромеда, поняв, что одним лишь взглядом побитого щенка она от него ничего не добьётся.

— Ты же сама попросила меня построить! — возмутился он.

— Ты можешь строить, — с довольным видом кивнула Нимфадора. — Я могу ба-ам!

И подняла вверх руки с лопаткой в одной из них, показывая, какой “бам!” получится.

— Я, между прочим, с тобой разговариваю! — прошипела Андромеда.

— Что ты хочешь? — вздохнул он.

— Ты хочешь построить замок, — сообщила Нимфадора.

— Расскажи мне, — снова попросила Андромеда. — Расскажи про меня.

— Андромеду Тонкс я толком не знал, пока Тонкс... — он замялся. — Ты знаешь, той Нимфадоре её имя отчего-то не очень нравилось, и она предпочитала, чтобы её звали “Тонкс”.

— Я Дора, — заметила девочка.

— Я знаю, солнышко, — улыбнулся он и повернулся к Андромеде: — Пока Тонкс... не пропала, я не был знаком с Андромедой. Потом уже, как я сказал...

— Какая я была? — жадно спросила она.

— Ты никогда не говорила мне, что хотела ещё детей, — ответил он.

— Хочу братика! — заявила Нимфадора.

— Будет тебе братик! — пообещал Гарри и усмехнулся, отметив перекошенное лицо Андромеды. — ...Но прожила всю жизнь с Тэдом. А потом ещё и Тонкс... Пропала. Андромеда была строгой женщиной и любящей бабушкой...

— Красивая? — спросила она, прикусив губу.

— Откуда мне знать? — возмутился он. — Она родилась в пятьдесят третьем, а я — в восьмидесятом... Думаешь, я на неё заглядывался?

— Мама родилась! — восторженно завопила Нимфадора, обрушивая лопатку на ещё один фрагмент стены.

— Ну ты хотя бы оценить можешь? — было видно, что эта тема отчего-то её сильно беспокоит, и она, сама не замечая, даже встала перед ним на колени, умоляюще сложив руки. — Какая я... была?

— Я не знаю, чего ты сейчас добиваешься, — покачал он головой. — Как я могу с позиции своих... мне двадцать пять было, когда я сюда перенёсся... Как я могу оценивать пятидесятилетнюю женщину?

— Пятидесятилетнюю! — охнула она. — То есть я совсем старуха буду? Как Вальбурга?

— Перестань! — шикнул он. — Что ты ерундой занимаешься? Ты молода и красива, а Дора братика хочет... Кстати, о братике!..

— Пятидесятилетнюю! — закатила она глаза в отчаянии, не обратив внимания на его попытку отвлечь её, разозлив.

Гарри почувствовал, что заряд кончился, и он уже прицеливается, как бы ловчее свернуть ей шею, положил руку на макушку Нимфадоре и блаженно закрыл глаза, ощущая, как безумие на время отступает.

— А во-вторых? — прервал его нирвану строгий голос Андромеды.

— Не понял, — признался он.

— Ты сказал “во-первых”, — пояснила она.

— Ах, ну да, — встrepенулся он, раскрыл глаза и нахмурился. — А во-вторых, если я тебе скажу, то ты меня первая прогонишь.

— Я бы тебя и так прогнала, — процедила она сквозь зубы и передразнила, кривляясь: — “Кстати, о братике!..” И так уже за собой приходится следить, чтобы ненароком не спровоцировать, не изогнуться слишком вызывающе или не наклониться... Постоянно на мне твой сальный взгляд, будто ты меня всё время лапаешь! Хочется носить шубу и армейские сапоги.

— Шлем с забралом забыла, — усмехнулся он.

— Точно, и шлем с забралом! — согласилась она.

— А гори оно всё... — пожал он плечами и наклонился к Нимфадоре: — В щёку меня поцелуешь?

Та потянулась губами и приложилась, Он поцеловал её в ответ, потрепал по голове, встал и пошёл прочь.

— Я тебе, между прочим, вопрос задала! — прокричала вслед Андромеда и тоже вскочила.

— Пока, пока! — помахал он рукой, на оборачиваясь.

— Гарри! — крикнула она, и ему даже послышалась, что топнула ногой, но слушать он не стал.

Добравшись до метлы, он тут же взмыл почти вертикально в небо и развернулся в сторону нового особняка Вазовски. То, что Андромеда решила до него докопаться, было очень некстати — в последние дни ему реально стало труднее справляться с приступами агрессии. Пару раз он даже ловил на себе пристальный взгляд Друэллы, которая, казалось, в такие моменты видела его насквозь. На минуту пришла в голову мысль, что, может, она знает, как справиться с его недугом, а потом он вспомнил про Альфарда и заложил вираж, принимая в сторону.

Двоюродного деда, как назло, дома не оказалось. Гарри немного побродил вокруг, немного выпустил пар, пинками и мерлиновой матерью выковыривая найденный в чащобе пень, оставшийся от огромного дуба, оставил кузену записку с просьбой навестить его при первой же okazji и отправился “к себе”. Сюрпризом оказалась маленькая фигурка в шляпке и спенсере, которая, стоя у крыльца поместья Вазовски, махала ему руками. Гарри по спирали пошёл вниз, приземлился в десятке метров и сразу вытащил палочку, отбросив в сторону метлу.

— Ты должна уйти, Энди! — крикнул он. — Бери метлу и проваливай, если не хочешь, чтобы я тебя убил!

— Почему? — удивилась она, останавливаясь.

— Энди, прошу тебя! — взмолился он.

— Да что такое? — сделала она ещё шаг вперёд. Гарри испуганно отступил, не сводя с неё палочки. Андромеда подбоченилась и усмехнулась: — Неужто твоё нетерпение настолько велико, Гарри, что ты готов меня даже убить за то, что я не даю тебе желаемого?

— Нетерпение — да, — согласился он. — Но совсем не то. Шею свернуть. Глотку перегрызть. Размозжить голову, вспороть живот и задушить, намотав кишки вокруг шеи, переломать все кости и хребет... — по мере того, как он перечислял, она становилась всё бледнее, и казалось, что её сейчас вырвет. — Изнасиловать, наконец. И не только тебя, Энди, кого угодно. Нарциссу, если хочешь...

— И Нимфадору? — спросила она, борясь с тошнотой. Гарри помотал головой. — Так вот, почему ты с ней проводишь всё время! Она на тебя действует, как успокоительное, да? Как лекарство?

— Да, именно этого я и не хотел тебе говорить, — кивнул он. — Теперь, раз ты всё узнала, садись на метлу, и улетай подальше, прошу тебя!

— Я привезу её! — воскликнула она.

— Нет! — чуть не крикнул он и добавил тише: — Не надо, Энди. Ещё неделю назад я спокойно общался со всеми вами. Что, если и Нимфадора...

— Я поняла, — покачала головой Андромеда. — Ты боишься, что общение с ней перестанет на тебя действовать... Тогда — что?

— Я надеюсь, Альфард знает, чем помочь, — сказал он, делая ещё шаг назад, сопротивляясь невыносимому желанию повалить её на траву и порвать платье. Или просто оторвать руками голову. — Прощу тебя, Энди...

Ни слова больше не говоря, она отбежала и подхватила метлу. Помахав ему рукой, оседлала и взмыла в небо. Гарри устало опустил палочку и побрёл ко входу в особняк. Наверху в шкафчике нашлось снотворное зелье. Залив в себя содержимое флакончика, он не раздеваясь повалился на кровать и забылся тревожным сном, полным крови, боли и страданий, которые причинял другим.

Проснувшись в темноте, он пару минут пытался понять, где находится, и даже в какой-то момент испугался, что совсем не слышит дыхания Нимфадоры. Угадав в темноте очертания своей новой спальни, Гарри с облегчением выдохнул. Жутко мучила жажда, а вместе с ней и желание кого-нибудь убить.

— Люмос! — повелел он и шарахнулся в сторону, увидев краем глаза движение рядом.

— Гарри! — послышался ласковый голос.

— Чёрт, Дафна! — пробормотал он, не веря своим глазам.

Она сидела на самом краешке кровати. В домашнем платье, золотистые локоны собраны на затылке, парочка обрамляет лицо... Блестящие глаза, румяные щёчки и манящие коралловые губы... Она была прекрасна.

— Чёрт, Дафна? — рассмеялась она.

— Чёрт, Дафна, — кивнул он, с облегчением откидываясь на подушку.

Похоже, он просто бредит, и его воспалённое воображение сыграло с ним шутку. Надо отметить, хорошую шутку, даже приятную. Стоит обновить запасы этого средства, что он проглотил, и почаще им пользоваться, раз уж применение даёт такие замечательные результаты.

— Ты как будто не рад, милый? — спросила она.

— Конечно, я рад, — откликнулся он, усаживаясь. — Я не видел ничего прекраснее с тех пор, как ты последний раз приходила чесать меня между ушей!

— Спасибо, конечно, — улыбнулась она. — Тем не менее времени ты не терял!

— Это... это было ошибкой, — смутился он, краснея. — Обещаю, больше никогда...

— Не стоит, Гарри, — перебила она. — Я же умерла, помнишь?

— Но ты по-прежнему в моём сердце, — возразил он.

— У меня мало времени, Гарри, — покачала она головой. — Давай просто условимся, что ты не будешь противиться своим желаниям ради своей...

— Любимой, — закончил он. — Ради своей любимой. Что значит — мало времени?

— Вставай давай! — рассердилась она, сама вскакивая и протягивая ему руку.

Рука неожиданно оказалась тёплой... А губы — горячими и влажными. Не удержавшись, он притянул её к себе, впиваясь в своё видение поцелуем. Видение оказалось на удивление материальным... и приятным на ощупь.

— Дафна? — удивлённо спросил он, оторвавшись на секунду.

— Говорю же тебе — мало времени! — сердито сказала она, стряхивая его руку с груди, но едва расставшись сама повисла у него на шее, требуя поцелуя. — О Мерлин, как мне этого не хватает! — простонала она, отпуская его и притопнула ножкой: — Пойдём уже! Где у тебя котёл для варки зелий? У нас действительно мало времени! А-ах!

Она взвизгнула от неожиданности, когда он просто подхватил её на руки, чтобы отнести до места — если уж времени действительно не хватает, то можно же обниматься на ходу.

— А ты стал крупнее, — похвалила она, восторженно ощупывая его плечо и бицепс. — И выше! Я теперь такая кроха рядом с тобой! Такие мышцы, Поттер! Молодой человек, а что вы делаете сегодня вечером? Я вот лично готова в тебя влюбиться по-новой!

— Всё для тебя, любимая! — откликнулся он, спиной толкая дверь в кабинет алхимика. — И не такая уж ты и кроха!

Поставив её снова на пол, он наконец обратил внимание — действительно, она выглядела чуть меньше, чем раньше. Ну да, ему же с того самого момента, как он снова стал человеком, показалось, что он стал выше...

— Я не кроха, — довольно улыбнулась Дафна. — Я вполне рослая девушка. А вот ты стал больше! Ну, за дело!

Она подбежала к полочке с ингредиентами, читая наклейки или узнавая содержимое стеклянных банок. Гарри, предвидя её следующее указание, поставил котёл на угли и разжёг огонь.

— То, что мы собираемся сварить, называется Волчье зелье, — тем временем говорила она, выбирая нужные компоненты. — Котёл поставил? Молодец, я тебя люблю! Пол-литра святой воды, две щепотки серы и каплю красной ртути... Помнишь, мама тебе показывала, как его варить?

— Если честно, то нет, — признался он.

— Всё-таки ты балбес, — заявила она и подбежала к нему, чтобы легонько стукнуть кулачком ему в лоб, снова отбежала и продолжила рыться в ящичках. — Впрочем, кто же знал, что оно в итоге пригодится? Полностью от безумия оно не излечит, но вот сдержать его поможет... Вот, кошачья мята и белладонна, сначала засыпь мяту и сделай оборот палочкой по часовой стрелке, потом добавь белладонну и — оборот против часовой... — она замерла, к чему-то прислушиваясь. — Так, нужно ускориться! Размешивай в темпе, а я буду подсыпать! Волчья ягода и два оборота по часовой стрелке. Толчёный змеиный язык и три — против часовой. Следи, чтобы каждый оборот был ровно триста шестьдесят градусов! Теперь внимательно! Аметистовая крошка и пять — по часовой. Помёт летучей мыши и восемь — против. Капля драконьей крови — и...

— Тринадцать по часовой! — удовлетворённо кивнул Гарри.

Теперь он вспомнил! Он пожаловался как-то, что для аврора недостаточно силён в зельеварении, и Пераспера предложила немного его подтянуть. Как оказалось, она превосходно владела предметом и умела его подать, так что очень быстро Гарри обнаружил, что вещи, дававшиеся ранее с трудом, теперь выходят всё легче и легче. Вот и сейчас — после тринадцатого оборота грязная ранее жижа покрылась тонким сантиметровым слоем тумана, очистилась и преобразилась. Когда туман впитался обратно, на дне котла плескалось ровно семьдесят пять грамм Волчьего зелья, насыщенно-зелёной субстанции с серебристыми блёстками в ней, вязкой, как свежий мёд.

— Получилось, любви... — воскликнул он и осёкся, оглядываясь по сторонам, — ...мая!..

Дафны не было, словно она ему лишь привиделась. Исчезла, испарилась, как и полагается образцовой галлюцинации, даже не оставив после себя ни малейшего намёка или следа. Кроме, конечно, готового зелья. Рецепт приготовления которого он и так знал — стоило лишь вспомнить! От осознания того, что собственное воображение сыграло над ним дурную шутку, так красочно обставив момент возвращения памяти о нужном зелье, он уселся прямо на пол, сжался в калачик, обхватив колени руками и тоскливо завыл. Вкус её губ на устах был так реален, тепло рук таким родным, но сейчас, всё яснее вспоминая сцену обучения с Перасперой, он проникался пониманием, что воображение, тоска и передозировка снотворного сыграли с ним дурную шутку. Ранее он надеялся, что боль ушла или хотя бы притупилась, но вот призрак, вызванный его утратой, растаял в воздухе, снова обнажив душевные раны.

— Дафна, любовь моя! — вздохнул он, постепенно успокоившись.

Средство и вправду помогло. Утром, проснувшись на полу в лаборатории, он ещё раз вспомнил свой ночной угар и первым делом выпил снадобье, разлив остатки в ещё два флакона. В голове

момента́льно прояснилось — настолько, что ему даже показалось, что он совсем не прочь был бы встретиться с Нарциссой, у которой — на удивление! — в последние дни даже обнаружилась грудь, не говоря уж о том, что можно было её шлёпнуть, не рискуя получить синяк. Вспомнив о Дафне, он устыдился своего желания, а потом подумал, что галлюцинация не просила его сдерживаться в отношениях с другими. Немного поразмыслив, он решил, что если это была галлюцинация, то ей вряд ли может быть интересно, с кем он проводит время, а если нет — то у него есть прямое указание, которому он должен неукоснительно следовать... При этой мысли ему снова стало стыдно. Неужто он готов изменить своей любви, даже если она сама его об этом просит? Ещё чуть-чуть подумав, он решил, что самым рациональным в его положении будет начать биться головой о каменный пол, — или стену, — раз уж у него всё равно нет разумного выхода из ситуации, в которую сам себя загнал.

Два дня он последовательно занимался облагораживанием территории, чего никто не делал, судя по всему, последние лет триста или пятьсот. Он обнаружил, что Дафна с сестрой и матерью — вольно или невольно, а иногда даже вопреки его желанию — успели многое ему передать по части того, как вести хозяйство и ухаживать за парком. Поскольку волшебные растения в парке не предполагались, то магия годилась, чтобы за ним ухаживать — выдрать крупные сорняки, скатать в огромный шар и уничтожить, предварительно отделив семена полевых цветов и трав, выкорчевать дикий кустарник, проложить в земле дренажные тоннели, превращая землю в толстые, пятнадцати сантиметров в диаметре, трубы, разровнять и вспахать землю, засеять семенами и обильно полить. Не то, чтобы так сложно или трудоёмко, но на два дня грустные мысли о Дафне отогнало напрочь.

На третий день с утра заявился Альфард. Гарри как раз задумчиво чесал затылок, изучая узоры паутины, которые ловкий паучок успел за ночь свить в опустошённом буфете, когда в дверь сначала кто-то забарабанил, а потом послышалось пыхтение и сдавленные ругательства. Прервав созерцание, он решил любопытствовать, что же такое происходит, и, распахнув дверь, с размаха заехал по затылку собственному двоюродному деду, который как раз в этот момент пытался оторвать от ноги вцепившегося в неё Добби, рычащего, как собака.

— Гарри, чёрт подери, ты меня убить, что ли, пытаешься? — воскликнул Альфард, хватаясь за голову. — Да отпусти ты меня, чёртово семя!

— Добби, фу! — рявкнул Гарри на автомате. Домовой отпустил гостя и развернулся к Гарри, преданно прижав уши и от радости высунув язык. — Добби, ты почему хватаешь Альфарда?

— Скучно, хозяин! — с довольным видом доложил тот. — Добби надеялся, что хозяин позволит ему заняться парком...

— Ах, я дурак! — хлопнул себя по лбу Гарри. — Скажи, Добби...

— У меня, между прочим, шишка на затылке! — напомнил Альфард.

— Монетку приложи, — посоветовал Гарри. — От удара дверью ещё никто не умирал!

— Хвалёное гостеприимство Блэков! — поднял очи горе Альфард. — Если до этого момента у меня и были бы сомнения в том, что ты наш, родной, то как раз сейчас они полностью бы развеялись. Настоящий породистый Блэк сначала даёт в зубы, а потом выставляет гостю счёт за его же лечение.

— Не торопись, я записываю, — кивнул Гарри. — Выучу к твоему следующему визиту. Что ты хотел?

— Кровинушка! — картинно пустил слезу Альфард, пытаясь его обнять.

— Ну ладно, я серьёзно! — воскликнул Гарри.

— В дом не пригласишь? — поинтересовался Альфард.

— На крыльце постоишь, не развалишься, — откликнулся Гарри, распахивая дверь. — Блэк я или кто?

— Мой лучший ученик! — с восторгом согласился Альфард.

— Добби, у нас ледоводка есть? — спросил Гарри прежде, чем уйти.

— Два последних ящика, хозяин! — ответил тот, преданно пожирая его глазами.

— Неси бутылку и две стопки, — велел Гарри. — И белку, что ли, поймай и зажарь. А то без закуски как-то... Вообще, можешь нести кого угодно, кроме кошек. Каннибализма я не допущу.

Они устроились на террасе, и Альфард, с видимым удовольствием разувшись и закинув ноги на подставку, не торопился начинать разговор. Добби принёс запотевшую бутылку с настоящим на спирту огнём ледяного дракона в ней и пару стопок. Альфард невольно сглотнул слюну и в предвкушении потёр руки. Ещё минут через десять домовой принёс на тарелке несколько шампуров с ещё шипящими жиром кусками поджаренного мяса. Гарри повёл носом.

— Олень? — недоумённо спросил он. — Ты поймал оленя?

— Добби старался, — самодовольно ответил тот. — Хозяин доволен?

— О, хозяин очень доволен! — согласился Гарри. — Ну, что, Альфи, приступим? Ты сам-то поел, Добби?

— Я сейчас расплачусь, — признался домовой. — Ещё никто обо мне так не заботился!

— И всё же? — переспросил он.

— О, да, хозяин, — закивал Добби. — Потроха и шкура — всё моё, как и положено!

— Отрежь себе нормального мяса, приготовь и поешь, — приказал Гарри. — Ступай!

Последнее ему пришлось произнести поспешно, поскольку из глаз домового по зелёным щекам скатились две крупные слезы. Тот исчез, и Альфард с улыбкой покачал головой.

— Отведайте нашего хлеба-соли, дорогой дедушка, — пригласил Гарри, разливая ледоводку по стопкам. Точнее, выдавливая. — Чем богаты!

— Да ты тут вообще роскошно устроился, — заметил Альфард. — Шашлычок из оленины, ледоводка! Будем здоровы!

Чокнулись, опрокинули обжигающе холодную субстанцию в рот и одновременно понюхали мясо на шампурах.

— Между первой и второй! — одобрительно заметил Альфард.

Гарри налил ещё, они снова выпили, и на этот раз мясо удостоилось того, чтобы в него вонзили

зубы.

— Мне сказали, что ты сильно не в себе, — промычал Альфард с набитым ртом.

— Врут, — возразил Гарри. — Клеветают, завистники!

— Гарри, — покачал головой Альфард.

— Ну ладно, — сказал он, откладывая шампур и вытирая рот салфеткой. — С того самого дня, как ты меня превратил... — он задумался. — Точнее, не так — с того самого дня, как я оказался здесь в теле зверя, я стал совсем другим. Меня тянет убивать... и прочие безобразия... — он усмехнулся: — С Нарциссой я поступил отнюдь не как джентльмен!

— Насколько я понял из намёков и недомолвок, там всё случилось по взаимному согласию, — заметил Альфард.

— Ты, пожалуй, один не в курсе деталей, — кивнул Гарри. — С Андромедой и Друэллой она, я так думаю, поделилась на следующий же день, а Друэлла вряд ли что-то стала скрывать от мужа.

— Если он тебя до сих пор не убил, значит, всё было в рамках приличий, — возразил Альфард.

— Можно и так сказать, — пожал он плечами. — Я точно знаю, что раньше ничего такого я себе не позволил бы, особенно в доме, гостеприимством которого я пользуюсь. Джентльмен бы так не поступил.

— Раз уже все знают, что произошло, почему бы тебе и меня не просветить? — забросил удочку Альфард.

— Раньше я тебе сказал бы, что джентльмен не обсуждает даму с посторонними, — поднял брови Гарри. — Теперь же мне, похоже, всё равно... Знаешь, что должен сделать джентльмен, если среди ночи раздетый открывает дверь в спальню постучавшейся даме, на которой самой почти ничего нет?

— Я, конечно, представляю, но, боюсь, сейчас ты откроешь мне глаза, — с улыбкой развёл руками Альфард.

— Я тебя не подведу, — согласился Гарри. — Поскольку дама не очень одета, джентльмен должен предположить, что ей холодно, и укутать во что-нибудь. Если бы он сам не был раздет, то даже пиджак сошёл бы, но раз он совсем голый, то обязан был сорвать с постели одеяло и завернуть даму. После этого, разумеется, джентльмену неплохо бы сообразить, что дама просто заблудилась, и помочь ей найти собственную комнату...

Альфард, схватившись за живот, загоготал, как стадо гусей, идущее на взлёт, потерял равновесие на стуле и с грохотом свалился на пол. Треснулся головой о настил, но смеяться на перестал, но к смеху ещё и добавились стоны, которые он издавал каждый раз, касаясь шишки на затылке.

— И поверь мне, раньше я так и сделал бы, — мрачно произнёс Гарри, наливая себе ещё стопку. — До тех пор, пока не вселился в шкуру зверя. Или это зверь вселился в меня. А, Альфард?

Он посмотрел на то место, где должен был сидеть его собеседник, не обнаружил и оглянулся в

поисках.

— Что ты там разлѣгся? — мрачно спросил он. — Ты же специалист по анимагии...

— Ой, да какой там — специалист! — прокряхтел Альфард, пытаясь вылезти из упавшего стула в то время, как его не пускали подлокотники. — Помог бы ты мне уже, а?

Гарри поднялся и подал тому руку, поднимая вместе со стулом.

— Ты понимаешь, — сказал он, — у меня вся моральная шкала сдвинулась. То, что я с удовольствием выбил пыль из Малфоев при нашей первой встрече — это в порядке вещей, поскольку Люциуса я уже давно знаю, как и его гнилую натуру. А вот удовлетворение, которое я испытал, когда заживо похоронил Абраксаса, уже не было для меня нормальным. Раньше, когда девушка говорила “нет”, я это так и воспринимал, теперь же мне кажется, что она ломается или кокетничает, и что стоит лишь слегка надавить...

— Ну всё правильно! — озадаченно пробормотал Альфард. — На самом деле, “нет” означает может быть...

— Да неправильно, конечно! — воскликнул Гарри. — Нет — это нет! А в последнюю неделю совсем невыносимо стало. Даже Андромеде временами хочется свернуть шею...

— Но не Нимфадоре? — уточнил Альфард.

— Нет, Дора на меня действует успокаивающе, — покачал он головой.

— Что я тебе могу сказать, внучек? — пожал плечами Альфард. — На это у меня есть замечательный ответ — “Это же магия”!

— Специалист, рог дромарога мне в селезѣнку! — ухмыльнулся Гарри. — На своё счастье, я вовремя вспомнил, как меня ещё в будущем учили варить одно зелье...

— И сварил, — кивнул Альфард. — Вот почему ты меня ещё не изнасиловал зверским способом!

— Староват ты для меня, — вернул ему остроу Гарри. — Да, сварил. Это называется “Волчье зелье”.

— Точно, — подтвердил Альфард и вытянул из кармана три флакона, заполненных тем же зелёным коллоидом с серебристыми блѣстками: — Вот, держи, на три дня ещё хватит. У тебя ингредиенты есть, чтобы самому готовить?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Мне Дафна доставала...

Он нахмурился, поняв, что только что сболтнул, и наткнулся на озабоченный взгляд Альфарда.

— Дафна? — переспросил тот. — Та самая Дафна, твоя жена, которая погибла в две тысячи пятом году? — Гарри нехотя кивнул. — Тебя, приятель, по-хорошему бы в Мунго сдать с такими закидонами... Но раз уж лекарство подействовало... Пойдѣм, посмотрим, всё ли у тебя есть, чтобы ещё приготовить!

Оказалось, что кончились змеиные языки и драконья кровь. То есть кровь-то ещё была, но вот Дафна, поторопившись... Он сам, когда доставал, поторопился и неплотно притѣр пробку фиала. Драконья кровь спеклась и полностью потеряла магию, так что следовало озаботиться покупкой новой. Ещё ему показалось, что порошок толчѣных змеиных языков был рассыпан на

полке, но он украдкой смахнул лишнее, убедив себя, что это просто пыль.

— Понятно, — кивнул Альфард, придирчиво осматривая стеллаж с запасами. — Тебе нужно ещё кучу всего закупить, поскольку с тем, что у тебя есть, можно лишь от насморка лечиться... Сейчас я запишу...

Он вынул из кармана небольшой кожаный блокнот, раскрыл и оставил в воздухе. Гарри заметил, что у блокнота есть маленькие крылышки как у снитча, которые двигались так быстро, что казались почти невидимыми. Из разворота блокнота выпорхнуло небольшое пёрышко, которое принялось записывать то, что Альфард надиктовывал, по-новой проходя с инспекцией по полкам. Блокноту было щекотно от пера, и он временами хихикал, пытаясь закрыться, но перо каждый раз втискивалось между страницами, не пуская. После этого они зашли на кухню, чтобы оценить, что нужно захватить в продуктовой лавке в ближайшей деревушке.

— Ты со мной не желаешь развеяться? — спросил Альфард.

— С удовольствием, — кивнул Гарри. — Раз уж Добби так рвётся заняться парками и лужайками...

Без магазинчика Джорджа — и Фреда, конечно — Косой переулок выглядел как-то непривычно. Не скучно, нет, но глаз невольно наткнулся на пустое место в самом конце Косого переулка, откуда как раз отворачивала аллея Памяти. Словно чёрное бельмо на глазу. Некоторые продавцы были ему незнакомы — как, например, Слаг-н-Джиггерс в самом начале, хотя и имел всё ту же знакомую вывеску, но вот продавцом и зельеваром в нём был незнакомый сухонький старичок. Зато магазин мадам Малкин был на месте за той лишь разницей, что “мадам” была грузная женщина лет пятидесяти, а помогала ей молоденькая ещё дочь, которая в будущем и должна была принять в руки бразды правления.

Ещё удивило, что на улице было много лотков и прилавков, с которых торговлю вели те, кто не мог себе позволить своё помещение или не желал сдавать свой товар крупному продавцу. Собственно, это их и выручило, поскольку в том же Слаг-н-Джиггерс удалось закупить лишь четыре пятых от составленного Альфардом списка, в том числе и сушёные змеиные языки, которые предполагалось истолочь самостоятельно.

— Думаю, что лоточники вам смогут помочь, мистер Блэк, — напутствовал Альфарда аптекарь.

— Безусловно, мы поищем, — согласился Альфард.

— Постой-ка, — задержал его Гарри. — Может, у мистера Хикори есть готовое зелье?

— Может, и есть, мистер... — вопросительно взглянул на него старичок.

— Прошу простить мои манеры, — вклинился Альфард прежде, чем Гарри успел открыть рот. — Позвольте представить, Вазовски, мой дорогой кузен из очень далёкой деревни, Гарри Вазовски. Мистер Дейл Хикори, аптекарь.

— Рад знакомству, мистер Вазовски, — кивнул мистер Хикори. — Как поживаете? Говорят, вы чертовски везучи!

— Как поживаете, мистер Хикори, — откликнулся Гарри. — Моё главное везение — доставшийся мне по наследству от любимого двоюродного дедушки очень толстый и непробиваемый череп, который не берёт ни одно заклинание.

Альфард фыркнул и закатил глаза.

— Ну, хоть “любимого”! — пробормотал он.

— Так что вы хотели, мистер Вазовски... — поинтересовался мистер Хикори. — Я правильно произнёс ваше имя?

— Ну конечно же, — откликнулся Гарри. — Я искал “Волчье зелье”...

— Уже пятнадцать лет никто меня о нём не спрашивал, — покачал головой мистер Хикори. — Я даже не уверен, что смог бы его правильно сравнить без консультации с кем-нибудь сведущим... А если бы и смог, то у меня всё равно нет драконьей крови, как я уже говорил...

— Да, да, мы помним, — нетерпеливо перебил Альфард. — Пойдём уже, Гарри!

— Пойдите, мистер Вазовски! — воскликнул мистер Хикори. — Я как раз хотел вас спросить...

— Мы спешим, мистер Хикори, — не очень вежливо оборвал его Альфард. — Доброго вам дня!

— И вам, джентльмены! — поклонился аптекарь. — Мистер Вазовски, может, на обратном пути?

— Доброго дня, мистер Хикори, — улыбнулся ему Гарри.

Выйдя на улицу, Гарри вызвал Добби и велел доставить объёмистый мешок с покупками в поместье. Лотки с ингредиентами начинались буквально метрах в двадцати от аптекарской лавки. Увидев цены, Альфард сразу помрачнел — если бы даже мистер Хикори сначала скупал у них весь товар на корню, а потом продавал у себя, то всё равно оставался бы с прибылью.

— Какого чёрта нас занесло к нему в лавку? — пробормотал он себе под нос.

— Нам не пришлось обходить десяток продавцов, чтобы всё купить, — пожал плечами Гарри.

— Это мотовство, — неодобрительно заметил Альфард. — Уж лучше на эти деньги пойти в кабак и потратить всё на девиц...

— Жениться тебе нужно, старина, — рассмеялся Гарри.

— Если жениться, то жена ещё более придирчиво будет деньги считать, — отозвался Альфард.

— Да и куда уж мне — жениться-то?

Перед ними, словно из земли вырос, появился неприметного вида колдун в длинной грязной мантии, мятом колпаке с узкими полями и длинным тонким носом уточкой. Собственно, кроме носа на его лице и запоминать-то было нечего.

— Джентльмены алчут крови? — поинтересовался незнакомец, снизу заглядывая Альфарду в глаза. — Её у меня есть.

— Что за чушь? — возмутился тот. — Что вы бредите, любезнейший?

— Чистейшая драконья кровь, только вчера собранная, — вкрадчиво вещал делец.

— Вы кто? — хмуро спросил Гарри.

— Меня зовут Мюкю, Слайм Мюкю, — представился колдун и добавил, словно извиняясь: — Папаша был из-за Канала, так что приходится теперь нести это тяжкое бремя... Вот, прошу взглянуть!

Он резко распахнул полы своего балахона, и Гарри невольно сделал шаг назад, подумав, что на них напал извращенец, но нет — изнанка балахона выше пояса была усеяна маленькими кармашками, из которых торчали флаконы с ингредиентами — что-то похожее на драконью кровь с горящим внутри пламенем, на серебристую кровь единорога и кровь оборотня двух несмешивающихся оттенков красного. Помимо этого, были склянки с утренней росой, святой водой и прочими жизненно необходимыми жидкими компонентами зелий. Выглядело всё, как настоящее... если бы он не знал, как оно должно выглядеть...

— Не интересуется, — отрезал Гарри, обходя Слайма Мюкю.

— Поищи других дураков, — хмыкнул Альфард.

— Есть дурь-трава и метамфикупорос, — крикнул вдогонку Слайм.

В итоге драконья кровь нашлась у одного из лоточников. Альфард был с ним знаком и знал, что тот водит дружбу с погонщиками, которые время от времени брали немного крови у своих подопечных — в том числе, и чтобы готовить зелья для лечения практически неуязвимых для обычных лекарств драконьих болячек. Собственно, и нужна-то была пара флаконов, не больше. Потом они зашли в кондитерскую, чтобы купить сладостей “для девочек”, как нежно выразился Альфард, поглазели на чудеса и сюрпризы в магазине Гамбола и Джейпса, без толку порылись в развалах букиниста и направились на выход. Уже ближе к перекрёстку с Кривым переулком впереди, со стороны выхода, сверкнула вспышка заклинания и громынуло, а потом раздались истеричные женские крики.

— Пожиратели Смерти? — стараясь перекрычать гомон и крики разбегающейся толпы, спросил Гарри, мгновенно выхватив палочку. — Ещё же не должны...

— Я не знаю! — крикнул Альфард, достав свою. — Мы тоже побежим?

— Да! — ответил Гарри. — Только не в том направлении!

Огибая бегущих в панике волшебников, они двинулись в ту сторону, где предположительно что-то произошло. Через десяток секунд они обошли со спины небольшую группу достаточно бесстрашных — или достаточно безумных — людей, глазающих на распластанное по земле нелепо сложившееся тело в знакомом грязном балахоне. Если бы не выпавшие и разбившиеся пузырьки с крашеной водой, которая теперь просто растекалась по камням мостовой, Гарри его бы даже и не узнал, настолько всё-таки неприметным и не запоминающимся оказался этот человек.

— Похоже, покупатель на драконью кровь привередливый попался, — хмыкнул Альфард.

— Думаешь, попался кто-то настолько тупой, что сначала додумался купить его товар, а потом ещё и прибил посреди толпы народа? — поинтересовался Гарри.

Его заинтересовали двое молодых авроров, один из которых, весь бледный лицом, придерживал другого, с глазами навывкате, желудок которого вот-вот грозило вывернуть наизнанку. Гарри подошёл ближе.

— Не волнуйтесь, это не кровь и не внутренности, — с доброжелательной улыбкой сказал он. —

Всего лишь вода и краски...

— Да, но он же мёртв, не правда ли? — пролепетал бледный.

— Ни за что не поверю, что двое таких знаменитых авроров ещё не видели трупов, — покачал головой Гарри.

— Трупы — это одно, — выдавил второй, пытаясь разогнуться. — А вот когда практически на твоих глазах убивают человека, которого ты только что пытался арестовать...

Он опасно надул щёки, но ему всё-таки удалось удержаться. Гарри на всякий случай шагнул в сторону.

— А вы кто такой? — наконец сообразил лупоглазый. — И почему это вы так подозрительно спокойны? Может, это вы его пришили?

— Конечно, — согласился Гарри. — Сначала пришел, но потом заметил, что аврорам стало плохо, и вернулся. Совесть замучила.

— Тогда мы вас арестуем, — сообщил тот.

— Не глупи, — посоветовал бледный. — Человек помочь хочет. Может, даже представиться сообразит.

— Меня зовут Вазовски, Гарри Вазовски, — склонил голову Гарри.

— А я... — начал было бледный, но он его перебил.

— Погодите, я угадаю, — предложил он. — Вы — Монтенберри, Марти Монтенберри, а ваш коллега — гроза тёмных сил, знаменитейший мракоборец и просто бесстрашный аврор Аластор Муди собственной персоной, так?

Марти застыл с открытым ртом, выпучив глаза ничуть не меньше, чем его приятель, а вот за Муди Гарри даже испугался — не выпадут ли?

— А я предлагал его арестовать, — напомнил тот, всё-таки, хоть и с трудом, но разгибаясь. — Он мне сразу показался подозрительным!

— Тебе даже бабушкин пирог кажется подозрительным, но в данном случае я с тобой согласен, — ошалело пробормотал Монтенберри.

— Постоянная бдительность! — подмигнул Гарри, поднимая вверх указательный палец, и оба вздрогнули. — Джентльмены, раз уж мы всё равно здесь собрались, то позвольте представить моего большого друга и близкого родственника, Альфарда Блэка.

— Блэка? — нахмурился Монтенберри, пожимая протянутую руку. — А не тот ли вы ловкач Вазовски, который закопал старика Малфоя? Получил его владения, а потом ещё и выиграл состояние на матче по квиддичу...

— Выиграл не я, — покачал головой Гарри и показал на Альфарда. — Вот к нему все вопросы.

— Но Малфоя-то вы пришили? — встрял Муди.

— Каюсь, было, — пригорюнился Гарри. — Но что мы всё обо мне, да обо мне? Вот же наш

клиент, — махнул он рукой в сторону трупа, — а свидетели-то расходятся!

— Чёрт, уже никого не осталось! — выругался Муди. — Это всё очень подозрительно! И что нам теперь делать?

— Если вы спрашиваете меня... — сказал Гарри.

— Не хотел бы показаться грубым, — язвительно заметил Монтенберри, постепенно розовея, — но как раз вас мы и не спрашивали.

— Если вы спросили бы меня, — поправился Гарри, — то я сначала бы определился со списком свидетелей. Кто стоял рядом, что видел. Вот же лотки буквально в десяти метрах — продавцы наверняка что-то да заметили. Нужно всех опросить!

— Как мы всех опросим? — возмутился Муди. — Здесь работы на неделю!

— Вопрос лишь в том, дорогой Муди, хотите ли вы найти преступника, или вам в эту неделю есть чем другим более важным заняться, — улыбнулся Гарри. — Хотите ли вы стать легендой или же предпочитаете спокойную старость?

— Это ведь не вопрос, да? — буркнул Муди.

— Нет, не вопрос, — откликнулся Гарри, снова пожимая им руки. — Если понадобится моя помощь, то я всегда готов. И ещё... Если даже свидетель не осознаёт или не помнит, что видел что-то важное — не теряйтесь. В Омуте Памяти вы сможете разглядеть мельчайшие детали его воспоминаний, как на ладони. Приятного дня, джентльмены!

Несмотря на наличие трупа, безусловно украсившего собой день, отчего-то Гарри испытывал душевный подъём. Этих двоих он знал и любил, особенно Монтенберри, который с каким-то бесконечным терпением, которым даже не всякий дедушка маленького очаровательного карапуза может похвастать, опекал Гарри в его службе в аврорате и поддерживал даже те начинания, которые остальным поначалу казались совсем уж безумными. И целый и невидимый Муди — как он им и сказал, живая легенда, пусть пока они его слов и не поняли.

— Ты их обоих знал? — спросил Альфард, когда они уже в особняке разгружали покупки. — Тогда, в будущем?

— Да, — кивнул Гарри. — Муди сначала был искалечен в схватке с Пожирателями, — вот ещё несколько лет осталось, — а в девяносто седьмом погиб... Монтенберри был начальником аврората, когда я там служил...

— И ты не упустил случая построить своих кумиров! — рассмеялся Альфард.

— Да, ты знаешь, когда ты так говоришь, я даже неловко себя чувствую, — смутился Гарри. — Я готов встать на колени перед любым из них за то, что они сделали для меня в будущем.

— Не бери в голову, старина, — потрепал его по плечу Альфард. — Я просто пошутил. Слушай, тебе ведь лучше?

— Ну да, — пожал он плечами. — Я же тебя не убил за твою идиотскую шутку?

— Я думаю, тебе стоит навестить дом Сайнуса, — сказал Альфард. — Тебя там не хватает...

— Хорошо, вот только сначала попрошу Добби разложить снадобья по полкам, — согласился

Гарри.

В поместье Блэков на него сразу с радостным визгом напала Нимфадора, по которой было видно, что она соскучилась, и моментально забралась на руки, крепко обхватив шею.

— Что, Дора, бросил тебя Киса? — со смехом спросила Андромеда, подходя к нему.

— Ты моё солнышко, — сказал Гарри, глядя по спине прижавшуюся к нему девочку.

— А ты моё солнышко, — серьёзно ответила она, отстраняясь и целуя его в нос. Потом немного подумала и большим пальцем с силой надавила на кончик. — Динь-дон!

— Дора, оставь Гарри в покое, — попросила Андромеда.

— Зачем это? — возмутился он. — Я сюда специально пришёл, чтобы с ней повидаться...

— Да? — чуть ли не с обидой спросила она. — Правда? Только с ней?

Гарри свободной рукой притянул её к себе за талию и поцеловал в щёку.

— Ты скучала? — поинтересовался он.

Андромеда кивнула, смущённо пожимая плечами.

— Скучала! — радостно объявила Нимфадора.

— Волновалась, — поправила Андромеда.

Он прижал её ещё крепче.

— Ты уже готова отдаться мне при луне? — прошептал он ей на ухо.

— Пусти, д... — возмутилась она, с пунцовым лицом отпихивая его локтями.

— Дуя! — подсказала Нимфадора.

— Правильно! — воскликнула Андромеда, вывернувшись из его захвата. — Дурак! Лишь одно у тебя на уме! Видеть тебя не хочу! А-а-р-ра!

Гневно зарычав, она развернулась и убежала к дому.

— Что будем делать? — спросил Гарри, моментально выкинув её из головы. — Кататься с горки, играть в песке или ездить на мне?

— Киса ещё не вейнуса? — спросила Нимфадора, смешно наморщив лоб.

— Нет, я пока не могу превратиться в Кису, — покачал головой Гарри. — Но я могу посадить тебя на плечи, и мы пройдемся по кругу.

— Могу на плечи, — согласилась она. — Могу летать, могу качаться, могу на гойку и песок.

— То есть тебе всего побольше? — понял он.

— Могу всего, — важно кивнула она. — Много!

В результате они примерно с час бродили по поместью — Нимфадора то забиралась ему на спину, то на плечи, то слезала и топала сама, то требовала нести её на руках. Гарри был уверен на сто процентов — несмотря на то, что их, казалось, оставили одних, Андромеда за ним пристально следит так же, как следила, когда он ещё в виде зверя приходил, чтобы покатать на спине и поиграть. Он и сам осознавал, что может представлять опасность, — Мерлин его знает, когда вдруг откажут те тормоза, которые его в данный момент сдерживают, — но он и вправду соскучился и по девочке, и по остальным, и не мог удержаться, когда Альфард его позвал... Когда они вернулись к площадке, Нимфадора изъявила желание ползать по лестнице, и он помогал, страхуя. Потом она принялась кататься с горки, после чего, как и объявила раньше, затащила его в песочницу, где стала рыть большую яму. По её меркам большую, конечно.

Ветерок донёс слабый аромат духов, и Гарри вскочил, оборачиваясь и выхватывая палочку. Запах он помнил ещё с прошлого раза, а тому, что учуял его с такого расстояния, даже не удивился. Беллатрикс, не обращая внимания на наставленное в её сторону оружие, спокойно шла к ним.

— Стоять! — приказал Гарри, и она послушно замерла в пяти метрах. — Дора, — сказал он, не сводя глаз с Беллатрикс, — спрячься за мной!

— Белла! — завопила Нимфадора, пронеслась мимо, чуть не сбив его с ног, и с разбегу запрыгнула той на подставленные руки. — Мама, Белла пришла! — ещё громче крикнула она в сторону дома.

— Отпусти её немедленно! — прошипел Гарри, закипая от гнева и страха за малышку. — Ну же!

— Зайка моя! — тепло улыбнулась Беллатрикс, поцеловала её в щёку и опустила на землю, приседая на корточки: — Делай, как грозный дядя велит! Иди давай к нему!

— Не хочу, не хочу! — крикнула Нимфадора.

— Что происходит? — спросила из-под руки запыхавшаяся Андромеда. — Гарри, опусти палочку немедленно!

— Уведи Дору, — процедил он сквозь зубы. — Ты же знаешь, как мне трудно себя контролировать...

— Чёрт, что ты несёшь? — заорала она, вставая перед ним и загораживая сестру с дочерью. — Оставь Беллу в покое, если не хочешь иметь дело со мной!

— Уведи Дору, прошу тебя, — взмолился он, в панике ощущая, как, несмотря на принятое с утра зелье, разум постепенно оставляет его, и он снова начинает выглядывать уязвимые места Андромеды, оценивая, как можно эффективнее причинить ей боль. — Лекарство... Лекарство перестало действовать. Уходите обе!

— Мерлин, да ты на себя не похож! — побледнела она и метнулась к дочери, подхватывая на руки. — Лучше сам убирайся! И не вздумай обижать Беллу! Она пока ещё ни в чём не виновата, помни!

Она поспешила к дому, загораживая Нимфадору, которая, похоже, готова была заплакать — такой хороший день совершенно неожиданно дал трещину! Беллатрикс, нахмурившись, смотрела на Гарри, который, убрав палочку, вернулся к горке и вцепился обеими руками в деревянную лестницу, пытаясь сломать. Разум постепенно прояснился, и он вдруг понял, чем

— или, точнее, кем — была вызвана эта вспышка бешенства прошедших дней. Вот она, причина, во плоти стоит у него за спиной.

— В чём я не виновата? — спросила она.

— Это пока не важно, — покачал он головой. — Мне нужно уйти. Не могла бы ты тоже пойти в дом, чтобы я по пути тебя не пришиб?

— Нет, — откликнулась она.

— Нет? — оторопел он.

— Нет, — подтвердила она.

— Какого чёрта, Беллатрикс? — зарычал он, чувствуя, как снова закипает. — Убери свою задницу с дороги, если не хочешь, чтобы я её надрал, как следует!

— Нет, — повторила она.

— Убью, тварь! — прошептал он, поднимая голову к небу.

— Я требую сатисфакции, — произнесла она.

— Что? — не понял он. — Что?! Чего-чего ты требуешь?!!

Он развернулся и шагнул к ней, чувствуя, как пальцы сами растопыриваются, чтобы сомкнуться на её тонкой шейке. В её глазах мелькнул на мгновение страх, и она даже качнулась назад, нащупывая палочку, но потом упрямо взметнула подбородок.

— Сатисфакции! — повторила Беллатрикс. — За поруганную честь!

— У нас уже состоялась дуэль за поруганную честь... — прорычал он.

— Моей сестры, — отрезала она. — И я проиграла. Теперь я хочу дуэли за свою!

Мерлин, ну что за дура?! Гарри замер, словно наткнулся на невидимую стену, поднял лицо к небу и закричал, потрясая руками.

— Идиотка! — рявкнул он после того, как дал волю эмоции. — Ты же сама...

— Да, — согласилась она.

— И ты мне не сказала... — простонал он.

— Ты бы всё равно не поверил, — возразила Беллатрикс. — К тому же, мне нужна была дуэль с тобой!..

У него в голове как лампочка зажглась.

— Вот оно! — воскликнул он. — Не в чести дело в твоей дурацкой!

— И совсем не дурацкой! — запальчиво заспорила она.

— Дурацкой! — рявкнул Гарри. — Дело ведь не в чести, да? Тебе просто хочется подраться, правда?

— Правда! — крикнула она в ответ. — В прошлый раз я ошиблась, и сегодня ты за это заплатишь!

— Я тоже ошибся, — уже спокойнее ответил он. — Тебе следовало мне сказать, что ты в свои двадцать... четыре? ...В свои двадцать четыре...

— А тебе не стоило принимать меня за какую-нибудь падшую... — прошипела Беллатрикс.

— Я приношу свои искренние извинения, — поклонился он. — В этом плане ты оказалась... ты была честной девушкой, хотя в остальном ты по-прежнему гадкая тварь, которую стоило бы раздавить...

— Я требую сатисфакции! — повторила она.

— Проваливай, — посоветовал Гарри. — Проваливай, пока я не устроил тебе настоящую порку розгами по белоснежной голой заднице!

— Да ты!.. — зашипела она. — Как ты смеешь? Я требую...

— Убирайся, — покачал он головой. — Хотя — нет, я сам...

— Я совершила ошибку, — тихо повторила Беллатрикс. — Дело не в том, что случилось после. Это была лишь расплата за ту мою оплошность. Я долго думала, анализировала...

— Ух ты, где же ты такое слово откопала? — картинно восхитился он.

— Я думаю, что на этот раз смогу победить! — сцепив зубы, сказала она. — Я точно знаю, что делала не так, и в этот раз исправлюсь. Мне это нужно!

— Условия, как в прошлый раз, — кивнул Гарри.

— Условия? — возмутилась она. — Да как ты смеешь?!

— Какие условия? — вклинилась возникшая из ниоткуда Андромеда. — Что происходит?

— Не лезь не в своё дело, — попросил Гарри. — Ну да, условия. На этот-то раз тебе уже нечего терять, не правда ли?

— Чего — нечего терять? — не поняла Андромеда.

— Ничего, — огрызнулась Беллатрикс. — Не лезь не в своё дело! Ты должен поставить что-то по-настоящему ценное, с чем и вправду расстанешься, если проиграешь!

— Ещё раз повторю — если тебе нужны деньги или особняк — просто возьми, — поморщился он. — Я не могу с тобой драться по такой мелочи, поскольку мне постоянно приходится сдерживаться, чтобы тебя не убить.

— Гарри! — протестующе воскликнула Андромеда.

— Пообещай, что будешь меня учить, — предложила Беллатрикс. — Научишь, как драться, как ты!

— Если проиграю? — уточнил он. — Обещаю. Энди свидетель. Если выиграю...

— Договорились! — перебила Беллатрикс, не желая вдаваться в подробности при сестре.

— Кто-нибудь мне объяснит, что происходит? — взмолилась Андромеда.

— Не лезь не в своё дело! — одновременно сказали они.

Она ошарашенно втянула голову в плечи и нахохлилась.

— У тебя метла рядом? — спросил Гарри. Беллатрикс подтвердила. — Дорогу знаешь, — кивнул он. — Как прилетишь, так начнём.

— Что начнёте? — крикнула Андромеда, сжав кулаки. — Гарри!

— Пока, Энди! — попрощался Гарри. — Думай о луне.

— Ар-ргх! — раздалось вслед.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/74095/2356119>